

Финно-угроведение как учебная дисциплина в Удмуртском государственном университете

0. В истории преподавания (или, скорее, подхода к преподаванию) дисциплин так называемого финно-угроведческого цикла в вузах Удмуртской Республики можно выделить ориентировочно следующие периоды:

- 1) начало и середина 20-х гг.;
- 2) конец 20 – начало 70-х гг.;
- 3) 1972–1993 гг. и
- 4) с 1994 г.

Каждый из названных периодов имеет свои особенности и сложности развития, однако некоторые из трудностей являются общими для ряда периодов.

1.0. **Первый период (начало и середина 20-х гг.).** Интерес небольшой удмуртской интеллигенции 2-го и 3-го поколения к финно-угроведению как науке и как учебной дисциплине непосредственно после Октябрьской революции и гражданской войны в 20-е годы появился и развивался с помощью и при поддержке

центральных вузов Советского Союза – в первую очередь, Ленинграда и Москвы, где обучались удмуртские студенты или аспиранты. Там же они имели возможность устанавливать непосредственные контакты с представителями интеллигенции почти всех финно-угорских народов, проживавших как в России, так за ее пределами, познакомиться с финно-угроведческой литературой, изданной не только в России, но и в Венгрии, Финляндии, Эстонии и Германии. Ярким проявлением потенциальных возможностей финно-угроведения в Удмуртии является книга Кузубая Герда “Человек и его рождение у восточных финнов”, законченная в конце 20-х годов и чудом сохранившаяся в Финляндии (издана в 1993 году Финно-угорским обществом).

Однако этому вполне безобидному научному интересу к своим финно-угорским истокам и к современным родственным народам и их языкам был придан сугубо политический характер, и деятельность зачинателей финно-угроведения у восточнофинских народов была насильственно и весьма жестоким образом прервана началом первого всплеска сталинских репрессий с конца 20-х годов под самыми различными предлогами. Так, в Удмуртии была выявлена сфабрикованная ОГПУ антисоветская организация “СОФИН” (“Союз борьбы за освобождение финских народов”) во главе с Кузубаем Гердом, конечной задачей которой являлось якобы объединение всех восточнофинских народов (удмуртов, мордвы, коми, марийцев), отторжение их от Советской России и присоединение к “буржуазной” Финляндии. В результате зарождающаяся немногочисленная, но довольно интересная и перспективная интеллигенция (следует заметить, не только филологическая) была почти полностью уничтожена. Так первая яркая вспышка интереса удмуртской интеллигенции к своим древним истокам, интереса к родству современных финно-угорских народов во всех отношениях – языковом, этнографическом, фольклорном и т. д. – была грубо погашена на долгие годы, а люди за излишнюю свою любознательность заплатились собственной жизнью.

2.0. Второй – весьма длительный – период (конец 20 – начало 70-х гг.) ознаменовался тем, что в республике были созданы весьма важные очаги для развития национальной культуры и науки о ней: в 1931 году были открыты Удмуртский государственный педагогический институт (первый вуз в республике) и Удмуртский научно-исследовательский институт, основными задачами которых в удмуртоведческом направлении были изучение языка, истории и

культуры удмуртского народа, с одной стороны, и подготовка молодых специалистов для его осуществления и пропаганды через школьную сеть, с другой. Однако ни исследование общих проблем финно-угроведения, ни преподавание дисциплин финно-угроведческого цикла, ни обучение – хотя бы даже ознакомительное – другим родственным языкам за весь этот длительный период в республике не проводились. Препятствием тому явился комплекс причин, причем в каждом из этапов этого 2-го периода ведущими становились различные причины. Назову основные из них.

2.1. Самой важной среди них явилась политическая причина. Продолжались – то затихая, то вновь обостряясь – гонения на национальную интеллигенцию, в том числе на ту, которая смогла бы развивать в республике определенные направления финно-угроведения. Причем, эти гонения принимали самые различные виды и формы, напр.: борьба против антипартийного троцкистско-зиновьевского блока (в 30-е годы произведены массовые аресты среди интеллигенции), объявление марризма марксистским направлением в советском языкознании и квалификация сравнительно-исторического метода в языкознании – в том числе и в финно-угроведении – буржуазным и антисоветским (30–50 гг.), установление сталинского культа личности в языкознании (начало 50-х гг.) и т. д. Одним из прискорбных результатов этих кампаний явилась, в частности, преждевременная смерть признанного главы советского сравнительно-исторического финно-угроведения Д. В. Бубриха. Заниматься финно-угроведением было небезопасно в советской стране также и в этот период, в особенности в начальные его этапы. Правда, политическая обстановка в стране несколько улучшилась в 50–70-е годы, после XX съезда КПСС, частично развенчавшего культ личности Сталина, пока его культ в стране в целом и в идеологии и науке в частности не заменялся культом других личностей и неличностей. Однако и в этот период частичной оттепели на арену выступали другие причины, в определенной степени обусловленные этой первой, которые препятствовали нормальному развитию финно-угроведения в республике.

2.2. Острая нехватка высокообразованных лингвистов со знанием основ финно-угроведения и владеющих как финно-угорскими, так и другими западноевропейскими языками. Страна, отгородившаяся от всего мира “железным занавесом”, не нуждалась в нормальном обучении иностранным языкам, а в конкретном

преломлении на интересующую нас область это обернулось тем, что удмуртским лингвистам из-за языкового барьера абсолютно не была доступна классическая финно-угроведческая литература, существовавшая в то время преимущественно на иностранных (немецком, венгерском, финском и др.) языках.

2.3. Еще и другая причина мешала полнокровному использованию достижений зарубежной финно-угристики удмуртскими языковедами – это полное отсутствие (вплоть до конца 60-х гг.) исследований венгерских, финских, эстонских, немецких ученых не только по общим вопросам финно-угроведения, но и в области удмуртского языкознания как в общественных (республиканской, институтских) библиотеках Удмуртии, так и в личных собраниях специалистов.

2.4. Закрытость республики до конца 80-х годов, волею судеб оказавшейся в Уральской зоне производства оружия, создала дополнительные трудности и для личного общения удмуртских ученых со своими зарубежными коллегами, ибо были весьма затруднены как выезд из республики в страны Западной Европы, так и – в особенности – въезд представителей западного финно-угроведения в Удмуртию. Так, венгерские удмуртоведы Ш. Чуч и Э. Сий смогли посетить Удмуртию в научных целях лишь в 1987 году, т. е. спустя 102 года после Б. Мункачи; несколько позднее – в 1989 году – вновь после Ю. Вихманна (1890–1891 и 1894 гг.) открыла дорогу к удмуртам финский лингвист П. Суйхконен.

2.5. Перед удмуртскими языковедами, начиная с 20-х годов вплоть до начала 70-х, в качестве основной стояла задача подготовки учебников и учебных пособий для школ различных ступеней. Причем, политика Коммунистической партии и Советского Правительства в отношении народного образования постоянно менялась, что приводило к необходимости существенного пересмотра и обновления программ и учебников школьного преподавания удмуртского языка и литературы почти через каждые десять лет. Это, естественно, отвлекало силы немногочисленных удмуртских лингвистов от занятий теоретическими проблемами удмуртского и финно-угорского языкознания.

2.6. В республике полностью отсутствовал социальный заказ на специалиста, имеющего финно-угроведческое образование. В удмуртских школьных курсах удмуртского языка и литературы даже не упоминались финно-угорские языки, не говоря уже об ознакомительном их изучении. Поэтому Удмуртский пединсти-

тут готовил для массовой школы учителей удмуртского языка и литературы, русского языка и литературы – естественно, без всякого представления о языке и культуре финно-угорских народов и вне всякой связи с языком и культурой последних.

2.7. В учебных планах для филологов во все эти годы (до конца 80-х) безраздельно господствовали так называемые общественные дисциплины: история КПСС, политэкономия капитализма и социализма, марксистско-ленинская философия с ее разделами диалектического и исторического материализма и – позднее – научного коммунизма; причем, нередко эти дисциплины по многим разделам дублировали друг друга. Естественно, при таком раскладе учебных дисциплин на цикл специальных предметов оставалось значительно меньше времени, чем это требовалось на самом деле; а если учитывать еще и двухпрофильную подготовку молодых специалистов, то на дисциплины историко-лингвистического и финно-угроведческого циклов времени и вовсе не оставалось.

3.1. Возможности углубления филологического образования будущих удмуртоведов несколько расширились в третий период, с начала 70-х годов. Дело в том, что в 1972 году Удмуртский государственный педагогический институт был преобразован в университет, что вызвало существенные изменения в учебных планах и в модели будущего специалиста. Значительно больше внимания стали уделять на общетеоретическую подготовку будущих филологов-удмуртоведов. В этой связи впервые в истории высшего гуманитарного образования Удмуртии в таком объеме были введены в учебные планы удмуртского отделения (ныне факультета удмуртской филологии) такие теоретические дисциплины, как: “Введение в удмуртскую и финно-угорскую филологию” (30 ч. – I курс), “История изучения удмуртского языка” (36 ч. – II курс), “Удмуртская диалектология” (30 ч. – II курс), “Историческая грамматика удмуртского языка” (50 ч. – III курс). Естественно, эти дисциплины были направлены в первую очередь на более углубленное изучение удмуртского языка, но тем не менее в них давались определенные сведения и о финно-угорских народах и их языках (курс “Введение в удмуртскую и финно-угорскую филологию”), о финно-угроведах и удмуртоведах России и зарубежья (Ф. Й. Видеманн, Т. Г. Аминофф, Б. Мункачи, Ю. Вихманн, Д. В. Бубрих, Э. Итконен, В. И. Лыткин, Д. Лако, П. Н. Перевощиков, Б. А. Серебрянников, В. И. Алатырев, Т. И. Тепляши-

на, К. Редее, М. Корхонен, Ш. Чуч и др.) и об их вкладе в удмуртское языкознание (курс “История изучения удмуртского языка”), а также варьирование фонетической системы и грамматического строя удмуртского языка в пространстве (“Удмуртская диалектология”) и времени – от финно-угорского периода через общепермское состояние вплоть до современности (“Историческая грамматика удмуртского языка”).

Общие же вопросы финно-угроведения в более концентрированном и систематизированном виде стали преподноситься лишь студентам, специализирующимся в области удмуртского языкознания – “Сравнительная грамматика пермских языков” и “Сравнительная грамматика финно-угорских языков” (IV–V курсы, в общей сложности около 60–70 часов); они же получили возможность слушать практические курсы коми и венгерского языков. Для специализирующихся в области удмуртского литературоведения был введен спецкурс “Фольклор финно-угорских народов”. Эти общие дисциплины и специальные курсы с некоторыми уточнениями состава слушателей (курс) и количества отведенных для них часов читаются вплоть до настоящего времени на некоторых отделениях факультета удмуртской филологии: удмуртско-русском, удмуртско-английском и удмуртско-немецком.

3.2. Однако даже эти весьма скромные наши нововведения натолкнулись на определенные – в большинстве своем, традиционные – трудности:

1) отсутствие социального заказа: модель выпускника удмуртского отделения (“учитель удмуртского языка и литературы, русского языка и литературы”) не предусматривала знаний в области финно-угроведения; да и сами эти знания вплоть до последнего времени оставались в массовой школе невостребованными. К тому же перегруженность учебного плана так называемыми общественными дисциплинами (см. 2.7) не давала возможности усилить финно-угроведческую специализацию будущих удмуртоведов;

2) отсутствие в республике высококвалифицированных специалистов, способных вести на должном теоретическом уровне не только учебную нагрузку, но и научно-исследовательскую работу в области финно-угроведения, и владеющих к тому же в соответствующей степени как финно-угорскими, так и другими иностранными языками;

3) отсутствие учебников и учебных материалов. Правда, в последние десятилетия в Советском Союзе был издан ряд обобщающих работ, напр.: “Финно-угорские и самодийские языки”¹⁷, “Основы финно-угорского языкознания” в трех томах¹⁸, “Уральские языки”¹⁹, осуществлен перевод трудов П. Хайду под названием “Уральские языки и народы”²⁰ (М., 1985), однако тиражи этих книг были значительно ниже потребности в них, и вышеназванные книги оказались в библиотеке Удмуртского университета в совершенно недостаточном количестве. К тому же они не являются, собственно говоря, вузовскими учебниками, а представляют собой академическое исследование, и они теоретически не всегда доступны студентам, весьма поверхностно знакомящимся с проблемами финно-угроведения. Кроме того, университетская библиотека не получает большинства периодических и серийных изданий по уралоистике, издаваемых за рубежом; к сожалению, в последние годы мы перестали получать исключительно важный для нас журнал “Советское финно-угроведение”/“Linguistica Uralica” (Таллинн, Эстония).

4. Начало четвертого периода ознаменовалось двумя важными для нас событиями:

1) в 1994 году в Удмуртском государственном университете впервые в истории высшего образования в республике был открыт лекторат финского и венгерского языков; и с этого года венгерский и финский языки преподаются нашим студентам носите-

¹⁷ Языки народов СССР / АН СССР. Науч. совет по комплексной проблеме “Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций”. Ин-т языкозн. М.: Наука, 1966. Т. 3: Финно-угорские и самодийские языки. 464 с.

¹⁸ Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков / АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Наука, 1974. 484 с.; Основы финно-угорского языкознания: Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки / АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Наука, 1975. 348 с.; Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки / АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Наука, 1976. 466 с.

¹⁹ Языки мира: Уральские языки / РАН. Ин-т языкозн. М.: Наука, 1993. 398 с.

²⁰ П. Хайду. Уральские языки и народы / Пер. с венг. Е. А. Хелимского; под ред. К. Е. Майтинской; предисл. акад. Б. А. Серебрянникова. М.: Прогресс, 1985. 432 с.

лями этих языков – лекторами Сегедского университета Венгрии Иштваном Козмачем и Туркусского университета Финляндии Са-рой Хяниккяйнен;

2) с сентября 1995 года на факультете удмуртской филологии было открыто финно-угорское отделение, которое предусматривает давать своим выпускникам специальность “удмуртский язык и литература, финский язык с финно-угроведением” и “удмуртский язык и литература, венгерский язык с финно-угроведением”. В настоящее время на этом отделении обучаются по 10 студентов на I и II курсах, в дальнейшем также планируется ежегодное пополнение в количестве 10–12 человек.

Открытие финно-угорского отделения на факультете удмуртской филологии вызвано тем, что в республике в последнее время появился социальный заказ на его выпускников, которые смогли бы работать:

1) в гимназиях, лицеях и школах с лицейскими классами с гуманитарным уклоном обучения, где ведется или планируется преподавание венгерского и финского языков и элементов финно-угроведения (в качестве преподавателя);

2) в правительственных органах, различных обществах, переводческих бюро заводов и коммерческих предприятий (в качестве переводчика);

3) в средствах массовой информации: радио, телевидении, редакциях газет и журналов, издательствах (в качестве переводчика);

4) из этого контингента выпускников в первую очередь предполагается в дальнейшем подготовка через аспирантуру будущих исследователей удмуртского и финно-угорских языков, фольклора и литератур, а также вузовских преподавателей финно-угроведческих дисциплин.

4.1. Для улучшения работы финно-угорского отделения, которое в ближайшем будущем должно иметь также и специализацию “удмуртский язык и литература, эстонский язык”, а также эффективного включения историко-лингвистических и финно-угроведческих дисциплин в учебные планы других отделений факультета удмуртской филологии необходимо, помимо решения весьма важных и очень сложных финансовых проблем, еще и следующее:

1) усовершенствовать учебные планы как финно-угорского отделения (это в первую очередь), так и других отделений факультета;

2) формировать кадровый состав преподавателей, способных вести на должном теоретическом уровне вновь вводимые учебные дисциплины и

3) снабдить факультет соответствующим набором и в достаточном количестве учебной и научной литературы.

А все это требует времени и больших усилий как со стороны филологов факультета и республики, так и руководства университета.

4.2. В заключение, пользуясь случаем, хотелось бы от имени кафедры общего и финно-угорского языкознания Удмуртского государственного университета обратиться с просьбой и предложениями к представителям других центров финно-угорской науки России и зарубежья:

1) организовать составление весьма компактных учебных пособий по финскому, венгерскому и эстонскому языкам для ведения ознакомительных занятий на тех отделениях факультета, где на изучение этих языков из-за лимита времени не может быть отведено значительное время (возможно, не более 50–80 часов). В этих учебниках должны найти отражение большой историко-культурологический материал и значительный финно-угорский фонд лексики и грамматики соответствующих языков;

2) аналогичные ознакомительные учебники нужны для финно-угорских отделений и по другим языкам: мордовским, коми, марийским, удмуртскому, обско-угорским, некоторым самодийским и др.;

3) факультет удмуртской филологии нуждается в сравнительно-историческом и типолого-сопоставительном грамматиках трех пермских языков и книгах для чтения по этим языкам;

4) необходимо издать специализированные краткие учебные пособия и хрестоматии по финской, венгерской и эстонской литературам;

5) для финно-угорского отделения крайне необходимы достаточно репрезентативные учебные хрестоматии с солидным теоретическим введением по фольклору венгерского, финского и эстонского народов;

6) хотелось бы иметь краткие варианты историко-страноведческих пособий по Венгрии, Финляндии и Эстонии;

7) для ведения небольшого ознакомительного курса "Фольклор финно-угорских народов", читаемого в Удмуртском государ-

ственном университете и, возможно, и других финно-угорских вузах Российской Федерации, мы все нуждаемся также в двуязычных хрестоматиях удмуртского, коми, мордовского, марийского фольклора с приложением большой теоретической и справочной литературы.

Большинство этих учебных пособий могли бы быть изданы на русском языке, а хрестоматии литературных произведений и фольклорных текстов – на языке оригинала с параллельным переводом на русский (и, возможно, другие финно-угорские) языки, чтобы они при необходимости могли быть использованы одновременно во многих вузах России, где ведется преподавание дисциплин финно-угроведческого цикла.

Решение этих и подобных задач возможно лишь при интеграции усилий специалистов различных центров финно-угроведения России, Венгрии, Финляндии и Эстонии.

В. К. Кельмаков, доктор филол. наук, профессор УдГУ (Ижевск)